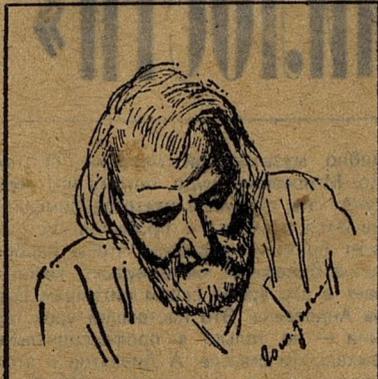

«Ваш И. Тургенев»

Семь писем Ивана Сергеевича Тургенева к Полине Виардо

И. С. ТУРГЕНЕВ.
С рисунка Полины Виардо.

В 1968 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения И. С. Тургенева, наследники знаменитой французской певицы Полины Виардо, с которой писателя связывала сорокалетняя дружба, решили сделать общественным достоянием хранящиеся в их семейных архивах неопубликованные тургеневские письма. Их оказалось около 300, и они были изданы во Франции тремя книгами.

Это случилось вскоре после того, как в Советском Союзе было завершено тринадцатитомное академическое издание тургеневского эпистолярия. Собранные воедино тургеневские письма — это и документально засвидетельствованная много-томная автобиография писате-

ля, и более чем полувековая летопись эпохи, к которой принадлежал Тургенев.

Переписка Тургенева с П. Виардо (а теперь стали известны и некоторые ее письма к писателю) едва ли не с первых дней их знакомства обрела характер обстоятельных рассказов-отчетов о днях, прожитых не вместе. И многие письма Тургенева к П. Виардо — это своего рода письма-дневники, где он писал о сделанном, пережитом и передуманном.

В приводимых ниже письмах читатель найдет отражение сокровенных раздумий Тургенева, его суждения о происходящем в общественной и политической жизни России и Европы, лаконичные, но истинно худо-

жественные зарисовки мест, впервые им увиденных.

Писатель скуп на сообщения о том, что занимало его главным образом: он не так уж часто делится своими творческими планами и замыслами; он сдержан и в передаче самых, быть может, ярких впечатлений своей жизни — впечатлений от почестей, которые ему воздавали Петербург и Москва в его предпоследний приезд на родину в 1879—1880 годах. Но все, о чем бы ни писал Тургенев, освещено интимным светом его души, несет на себе печать его мудрого и глубоко поэтического таланта. И в этом — уникальная ценность его писем.

Публикуемые письма печатаются с сокращениями.

Полина ВИАРДО.
Литография.

1.

Спасское.
18 (30) октября 1854.

Я только что получил ваше письмо от 12 октября, милая и добрая госпожа Виардо, и спешу поблагодарить вас и покаяться в своих ошибках... Однако, вот что я могу сказать в свое оправдание: дело, о котором идет речь, всегда было чем-то чрезвычайно смутным, едва определенным в моем сознании; внезапное расстройство, которым оно завершилось, доказывает это лучше, чем все, что я мог бы сказать. К чему же тогда говорить вам об этом? — Вот о чем я спрашивал себя — и в этом заключалась моя ошибка — самые тайные мои мысли должны принадлежать вам. Заметьте, однако, что не от кого другого, а от меня самого узнали вы об этой новости!... Теперь все это в прошлом, и могу вам сказать, между нами, что молодая особа, о которой идет речь, носит ту же фамилию, что и я, что она маленькая блондинка, хорошо сложена, красива и умна, что она вскружила мне голову на месяц, но это быстро прошло, и теперь, воздаявая должное ее достоинству, я очень доволен тем, что я в Спасское, и был бы еще больше доволен, если бы узнал о ее удачном замужестве. Это пришло и умчалось, как порыв ветра. *Ya se acabó!*

Если я говорил вам о своих заботах в последнем письме, то это никак не было связано с делом, о котором идет речь; эти заботы, которые все еще поглощают меня, я разделяю со всеми моими соотечественниками; признаюсь, я охотно отдал бы свою правую руку за то, чтобы ни одному из вторгнувшихся к нам врагов (простите!) не удалось спастись, и если я сейчас о чем-либо жалею, то лишь о том, что не пошел по военной части, тогда я смог бы, может быть, пролить кровь за родину...³ Но оставим политику. <...>

Я счастлив узнать, что вы чувствуете себя хорошо и довольны вашей поездкой в Англию. <...> С нетерпением жду, что вы скажете о «Кровавой монахини»⁴. Признаюсь, что нахожу это название весьма скверным и за версту отдающим медведем. Остается только надеяться, что красота музыки восторжествует над всем остальным.

Прощайте, милая и добрая госпожа Виардо. Будьте здоровы, будьте счастливы и думайте время от времени о вашем старом друге, чья привязанность к вам исчезнет только с его жизнью...

Ваш
И. Тургенев.

Р.-з. Вот еще несколько подробностей о м-ль Ольге Тургеневой (так ее зовут), если это может вас заинтересовать. Ее отец — старый отставной генерал в возрасте 82 лет — ей всего 19. Ее мать умерла спустя несколько дней после ее рождения. Воспитание она получила от одной из теток, старой деви, проживающей с ее отцом. В ней много грации, доброты, много утонченности и обаяния ума, но как я вам уже сказал, *ya se acabó!*

¹ Тургенев рассказывает П. Виардо о своем увлечении Ольгой Александровной Тургеневой (в замужестве — Сомова; 1836—1872), своей дальней родственницей и хорошей знакомой, на которой намерен был жениться.

² И с этим покончено (исп.).

³ Речь идет о начавшейся в феврале 1854 года Крымской войне — войне России с Великобританией и Францией.

⁴ Опера Ш. Гуно, поставленная в Париже в октябре 1854 г.

2.

Ницца.
Среда 21 октября 57.

Милая госпожа Виардо, вчера вечером мой спутник и я ступили на землю Италии¹. Встретила она нас угрюмо, так как здесь уже два дня отвратительная погода, идет дождь, ветрено, холодно. Мы уехали из Парижа в субботу и трижды ночевали дорогой: в Лионе, Марселе и Драгньяне (Н. В. Как все-таки безвкусен Марсель!). Местность между Драгньяном и Ниццей восхитительна — пересекая Приморские Альпы, на каждом шагу встречаешь чудесные виды. К тому же всегда так приятно, я бы даже сказал волнующе, чувствовать, что приближаешься к Италии... И лишь одного, увы, нам не хватало... молодости... <...> Ницца, насколько о ней можно судить сквозь пелену дождя,

красивый город; однако дома здесь слишком высокие (Н. В. Сегодня утром я видел, как обрушился один из них, который только что построили; к счастью, никто не был ранен). Контраст между гигантскими пропорциями этих домов и пустынною улиц придает им вид одновременно скучающий и алчущий; кажется, что они, раскрыв пасть, ждут путешественников. Но растительность великолепная. Пальмы, апельсиновые деревья, магнолии, к тому же все эти экзотические и необыкновенные деревья выглядят здесь совершенно к месту и *at home*... Я уже не говорю о громадных оливах, приморских соснах и т. д., и т. д. Завтра мы уезжаем в Геную, здесь еще очень мало народу и к тому же мне не терпится оказаться в Риме в моем углу за рабочим столом. <...>

Я напишу вам из Флоренции. Завтра я увижу знаменитую Корниш², к несчастью, совсем не похоже, что дождь собирается перестать. В конце концов я расскажу вам о том, что увижу.

Гарибальди приезжает в Ниццу как депутат; если бы был итальянцем, мой голос, несомненно, принадлежал бы ему. Я всегда испытывал к нему большую симпатию.

Прощайте, *theuerste Freundin*⁴; будьте счастливы и здоровы...

Ваш
И. Тургенев.

¹ Тургенев уехал из Парижа в Рим, ища уединения для работы, и прожил там до весны 1858 г. Вместе с ним в Италию отправился его давний русский приятель, литератор В. П. Боткин.

² Дома (англ.).

³ Дорога в Альпы.

⁴ Дорогой друг (нем.).

3.

Рим.
1-е февраля 1858.

Милая и добрая госпожа Виардо, я только что получил ваше письмо из Берлина, и, преисполненный благодарности к вам за память обо мне, сажусь писать ответ, который посылаю, согласно вашему указанию, в Париж. Надеюсь, что, вернувшись в свое гнездо, вы найдете Виардо совершенно излечившимся от своего прострела, который, кажется, причинил ему много страданий. Дом на улице Дуэ, со всем, что он в себе заключает, станет для вас вдвое дороже после двухмесячного отсутствия, каким бы наполненным волнениями, успехами и триумфами ни было это отсутствие. Наслаждайтесь вашим *home*¹, покойтесь на ваших новых лаврах, я же, раз вы этого хотите, расскажу вам немного о своей жизни.

Она, признаюсь вам, в это последнее время не была такой уж легкомысленной. Работал я мало, но повидал многое и особенно многих — русских, англичан и т. д. Тем не менее, я нашел время написать довольно большую записку (это между нами) о необходимости основания в России специального еженедельного журнала, предназначенного исключительно для обсуждения всех вопросов, связанных с вопросом освобождения крестьян. Огромное большинство дворянства боится намерений правительства и готовится к оппозиции; единственное средство его успокоить — это для разъяснения всех трудностей положения прибегнуть к самой широкой гласности; но это средство противоречит всем застарелым традициям нашей бюрократии, и я сильно сомневаюсь, что моя записка, хотя она и будет прочитана в верхах, сможет что-либо сделать в этом направлении. В конце концов всегда надо пробовать, а там будет видно²...

Вернемся к моей жизни. Никакая римская матрона не послужила для меня моделью, и я, как Антей, не могу покинуть родную землю, не лишившись всех своих сил. Кажется, повесть³, которую я послал сюда в «Современник», имела успех, и теперь я приступаю к довольно большому роману⁴, план которого я, по-моему, вам

¹ Домом (англ.).

² Записка Тургенева об издании журнала «Хозяйственный указатель» не получила практического применения. Как недавно установлено ленинградским литературоведом Р. В. Заборовым (ее статья об этом находится в печати), она была прочитана Александром II, который наложил на нее отрицательную резолюцию.

³ Повесть «Ася». Появилась в 1-м номере «Современника» за 1858 год.

⁴ «Дворянское гнездо».

рассказывал как-то вечером в Париже. С тех пор план этот претерпел большие изменения. Кстати, вы знаете, как страстно я желаю знать ваше мнение обо всех моих вещах, которые вы читаете. Превозмогите скуку, которую они на вас навевают, и будьте добры сказать мне о них ваше мнение...

И. Т.

4.

Спасское.
11/23 октября 59.

Представьте себе, милая и добрая госпожа Виардо, что я только вчера получил ваше письмо, написанное 22 сентября, то есть оно было в дороге ровно месяц! Это приводит в отчаяние! Ну, слава богу, что оно хоть не потерялось в дороге...

Раз уж это письмо так задержалось, пусть бы оно задержалось еще на день, и я бы тогда не написал вам письма, в котором только и делаю, что ною и жалуясь на свое одиночество...

В конце концов может случиться, что оба мои письма придут вместе или не придут совсем — ибо как узнать неисповедимые пути русской почты!

Я читал и перечитывал ваше письмо — как сказать? — с самым живым интересом — это выражение слишком глупое — с ощущением счастья — это так, но это кажется преувеличенным — в конце концов я перечитал его десять раз и благодарю вас, и говорю вам, что вы очень, очень добры. Бедный Берлиоз внушает мне истинную жалость, и я счастлива узнать, что его опера — прекрасная вещь¹ и что, возможно, вы будете иметь в ней одну великолепную роль. Я говорю одну, так как, признаюсь, исполнение двух разных ролей в одном произведении и в один вечер мне всегда казалось преступлением перед искусством... Это выглядит трюком даже тогда, когда таким не является, и потом приятно видеть, когда артист так быстро меняется; хочется думать, что и одной созданной роли ему достаточно и она ему дорого обходится. Сам бог никогда не создавал за раз больше одного мира.

В конечном счете, если мне придется признать себя некомпетентным и кому-то удастся убедить меня, я остаюсь при том, что сказал.

Не знаю, говорил ли я вам, что работаю над новым романом — сейчас я как раз сочиняю отрывок из дневника молодой девушки² (все молодые девушки ведут дневник — а вы вели дневник?). Но это очень трудно. Трудно схватить эту смесь безрассудности с инстинктом, которая стоит всей рассудочности мира. А потом, надо быть наивным... Я чувствую много детства в себе, таком старом хрыче, но это две разные вещи. Словом, вино налитое, его надо пить.

Меня угнетает отсутствие досуга. Я могу работать 24 часа в сутки, если у меня будет желание, никто мне не помешает. Досадно то, что я подхватил в прошлом году таинственную болезнь, этот ларингит, который не позволяет даже шептать, угрожая разорвать грудь приступами судорожного кашля. Правда, мне не с кем говорить; тем не менее, это вынужденное молчание неприятно...

¹ Опера Г. Берлиоза «Трояницы».

² «Накануне».

5.

Париж,
улица Риволи, 210
Суббота, 16 апреля 1864.
8 часов утра.

Вот уже два часа, как я встал, милая и добрая госпожа Виардо; ожидание письма, которое не может не прийти сегодня, не дает мне спать. Какие новости принесет оно мне?

Вчера мы с Ожье обедали у Мериме¹. Говорили о многом. Там еще были две старые англичанки, у которых Мериме живет в Каннах и которые превратились в неразлучную пару. Они мало оживляли беседу. Ожье все тот же: он очень остроумен и его остроумие восхитительно...

Не могу продолжать... вновь погружаюсь в ожидание. 8 1/2 ч.
Два письма... Это вновь заставило биться мое сердце!

я уже подумал, что все решено. Но нет; все остается по-прежнему, и тем не менее, новости более утешительные. Я очень рад, что вы будете петь «Пророка»² в Карлсруэ только в следующее воскресенье; я рад прежде всего за вас, а также за Луизу³ и за себя; я, конечно, буду на этом представлении (если ничего со мною не случится), так как уезжаю из Парижа в среду вечером или в четверг утром. <...>

Деревья в Тюильри почти совсем оделись листвою, но я хочу испытать весенние чувства только в Баден-Бадене. Воздух еще холодный, и медленность, с которой наступает весна, кажется несколько бесцветной нам, русским, привыкшим к стремительному, почти внезапному пробуждению остановившейся и в течение пяти месяцев заключенной подо льдом и снегом жизни. Я уверен, однако, что там весна покажется мне прелестной.

Что вы скажете о встрече Гарибальди в Лондоне? Это великое зрелище, единственное в наши дни, к которому можно было бы применить название «религиозное»⁴ <...>

Когда я представляю себе, что через неделю останусь только два дня до моего приезда в Баден-Баден, мне хочется сделать в комнате приуэт, и только страх обрушить дом останавливает меня.

До скорого свиданья...

И. Т.

¹ С П. Мериме (1803—1870) Тургенева связывала многолетняя творческая дружба. Мериме переводил Тургенева на французский язык, автор нескольких статей о нем. Эмиль Ожье (1820—1889), французский драматург.

² Опера Д. Мейербера, в которой наиболее ярко проявилось дарование П. Виардо, исполнявшей партию Фидес.

³ Старшая дочь П. Виардо.

⁴ Свидетелем этого яркого массового проявления любви и симпатии к национальному герою Италии в Лондоне был Герцен, который оставил подробный рассказ об этом в «Былом и думах» (т. VI, гл. X).

6.

Москва.
Удельная контора.
Понедельник утром,
17/5 марта 79.

...Вчера все-таки состоялся вечер для больных студентов — разрешение пришло лишь накануне... и, великий боже, что там произошло! Вообразите себе более

тысячи студентов в этом огромном зале Дворянского собрания; я вхожу, поднимаю шум, от которого может обрушиться дом, возгласы «ура», в воздух взлетают шляпы; затем два огромных венца, затем молодой представитель от студентов кричит мне прямо в ухо *speech*¹, прерываемую на каждом выражении взрывом; ректор университета в первом ряду, совершенно бледный от страха; я, старающийся ответить так, чтобы не поджечь пороха, сказать нечто большее, чем банальность; затем, после чтения, вся эта толпа, следующая за мной в соседние залы, неистово вызывающая меня 20 раз; девушки, хватающие меня за руки... Это было безумием! Если бы меня не вызволил жандарм с самыми любезными манерами и не посадил в мой экипаж, думаю, что я все еще был бы там. Я прекрасно понимаю причину всего этого; накануне реформ, всегда обещаемых и всегда откладываемых, накануне рождения политической жизни, вся эта молодежь заряжена электричеством, как лейденская бутылка, а я здесь, как машина, способная ее разрядить. И все это из-за моих либеральных убеждений, по крайней мере, в такой же степени, как и из-за моих литературных заслуг. Если бы эта бедная молодежь не проявляла себя, она бы взорвалась! И однако я был чрезвычайно тронут тем, что произошло так неожиданно, и совершенно доволен до изнеможения. Сегодня вечером я должен еще читать в Большом театре, но там уже ничего не произойдет, а завтра все здешние знаменитости дают мне чудовищный обед (80 приглашенных), и сначала *speech*! <...>

Я вам привезу тексты двух приветствий студентов, моего ответа и моей завтрашней речи, а также несколько анонимных писем, довольно любопытных. Какую бурную жизнь я вел здесь... Это решительно не по мне...

И. Т.

1 Речь (англ.).

7.

С.-Петербург.
На углу Малой Морской
и Невского, дом № 11, мебли-
рованные комнаты Квернера.
Четверг 31 января 80.

Theuerste Freundin,
Я только что устроился в очень удобной кварти-

После моего переселения я отобедал у моего издателя-редактора Стасюлевича¹ с двумя-тремя друзьями; затем, вечером, пришло немало народа, литераторов и прочих, и наш знаменитый адвокат г-н Спасович отбаранил длиннейшую речь о юности Гете, которая не сказала мне ничего нового; но весьма утомила. Затем я должен был рассказать о своих впечатлениях от Берлина или, скорее, от Пергама. Хотят, чтобы я написал это для журнала, так как публика ровным счетом ничего об этом не знает; возможно, я сделаю это². <...>

Я навестил м-ль Савину, актрису, которая едва не сломала себе плечо при падении. Я должен был сделать это как автор, в пьесе которого она играет³. Я нашел ее в постели в окружении нескольких посетителей. Она была красива и придавала себе вид страдающий. Ей наложили гипсовый пластырь, и она не сможет двигаться недели две. <...>

Пятница утром 1 февраля.

Мне только что принесли ваше письмо, *theuerste Freundin*. Вы говорите в нем о вечере в четверг на прошлой неделе... <...> У молодого композитора Гю есть талант, bravo! Ему посчастливится быть исполненным вами; вы пригласите его на ваши четверги, не так ли? С ним случится то, что случилось с Гуно, помните, в 1850 году⁴? Это тоже старые воспоминания... но вы совершенно правы в том, что пишете о старых воспоминаниях в своем письме. Среди них есть такие, которые остаются вечно юными, и великие произведения искусства часто лишь прекрасное запечатленное воспоминание. <...>

И. Т.

¹ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911), издатель и редактор «Вестника Европы», где Тургенев постоянно печатался с 1867 г.

² Очерк Тургенева «Пергамские раскопки» появился в «Вестнике Европы» (1880, № 4).

³ Мария Гавриловна Савина (1854—1915) на сцене Александринского театра играла Верочку в пьесе «Мещ в деревне».

⁴ Тургенев имеет в виду, что Шарль Гуно (1818—1893) своей первой известностью в значительной мере был обязан П. Виардо, для которой им в 1850 г. была написана опера «Сафо».

Перевод с французского и публикация Н. С. НИКИТИНОЙ и Н. П. ГЕНЕРАЛОВОЙ, научных сотрудников Пушкинского Дома АН СССР